

ВИТАЛИЙ ГАДИЯТОВ

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Виталий Гадиятов

Золотой дождь

«ВЕЧЕ»

2018

Гадиятов В. Г.

Золотой дождь / В. Г. Гадиятов — «ВЕЧЕ», 2018 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-7721-8

Никому не известное месторождение золота в колымской тайге привлекает всех: банкиров, алчных предпринимателей, старателей, банду кавказцев и, конечно, оперативников. Кому достанется драгоценный металл? Через какие испытания придется пройти героям ради обладания им? И сколько еще жизней унесет с собой золотая лихорадка?

ISBN 978-5-4484-7721-8

© Гадиятов В. Г., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Глава 1. Случайный попутчик	6
Глава 2. Командировка на Север	10
Глава 3. Встреча	15
Глава 4. Учёба	19
Глава 5. Переговоры	22
Глава 6. Иван Дернов	28
Глава 7. На Уйгуре	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Виталий Гадиятов

Золотой дождь

Знак информационной продукции 12+

© Гадиятов В. Г., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

Глава 1. Случайный попутчик

Вырвавшись из каменных тисков в широкую долину, Алдан величаво нёс свои воды, набираясь сил для броска к океану. На стремнине то и дело возникали водовороты, и в полной тишине слышались глухие всплески. По реке стелился сизый туман, клоками разрывавшийся у берегов. От воды тянуло холодом.

Ранним утром Борис на «Ракете» отправился вниз по Алдану. Он намеревался добраться на перекладных до Нерюнгри, а оттуда поездом на запад. Путь предстоял нелегкий, но зато посильный для его кармана.

Замелькали галечные и песчаные отмели, берега, заросшие ромашками и иван-чаем, а впереди, насколько хватал взгляд, была одна вода. В протоках над рекой нависали кусты тальника, местами их сменяли лиственницы с белевшими редкими берёзками, затесавшимися между ними. Они поднимались на пологий берег и терялись в предрассветном тумане. Казалось, их накрыли серым покрывалом.

Навстречу «Ракете» шли груженные суда с техникой и строительными материалами, а она обгоняла баржи с контейнерами и углем. Кое-где мелькали юркие моторки с рыбаками.

Глядя в иллюминатор, Борис любовался проплывавшими живописными видами, а его мысли были там, откуда он так спешно уезжал.

После гибели Нины Бориса почти неделю продержали в СИЗО. Следователю отдела по борьбе с валютными преступлениями Максимову нужны были показания по «дедушкиному кладу». Он был твердо убеждён, что подследственный Конев нашел клад, но при задержании утопил его в горной реке. Однако прямых улик не было, и дело разваливалось, как картонный домик.

В качестве утешения за проигранное дело следователь хотел получить хотя бы подтверждение своей правоты. В той непростой операции было задействовано немало людей, и, несмотря на это, она закончилась полным провалом. Следователь не смог ничего доказать. По всем пунктам обвинения Бориса оправдали.

Выйдя на свободу, он решил уехать домой. Хотелось жить спокойно, забыть обо всех бедах, свалившихся на его голову. Однако он ехал с чувством неудовлетворенности собой и глубокой вины перед всеми.

«Как смотреть в глаза родителям Нины, что говорить своим? – думал Борис. – Ведь в их представлении я, как последний трус, сбежал в тайгу, прихватив с собой девчонку. Увезти увёз, а не уберёг».

В «Ракете» было холодно и неуютно. За бортом бились волны об обшивку судна, и от этого в салоне так гремело, как будто колотушкой стучали о пустую бочку.

Соседом Бориса оказался темноволосый молодой человек с приятной внешностью. Они познакомились и быстро нашли общий язык. Гиви Гвинджава, как звали соседа, был общительным и щедрым. Недолго думая, он вытащил дорогую бутылку коньяка.

– Давай выпьем за знакомство. Земляки дали на дорогу.

Говорил Гиви с едва заметным акцентом, который выдавал его кавказское происхождение.

Борис разложил на столике сыр и копчёную рыбу, купленные прямо возле дебаркадера в речном порту.

– Вот, видишь, пригодился, – разливая коньяк, кивнул Гиви. – Земляки сказали, в дороге коньяк не помешает, а я, дурная башка, не хотел брать. Кстати, у меня очень мудрые земляки. Помогли в трудную минуту, не бросили в беде.

Видимо, проверяя Бориса, он вначале задал пару наводящих вопросов о жизни, о его интересах и, убедившись, что перед ним не подсадная утка из ментовки, успокоился.

После нескольких стопок на душе у обоих полегчало и они разговорились.

Гиви работал бульдозеристом на каком-то колымском прииске, в старательской артели, которая добывала золото. В первый сезон он заработал хорошие деньги, думал, что так будет всегда, но всё оказалось намного сложнее, чем полагал Гиви. Его обвинили в хищении металла и так же, как Бориса, посадили в СИЗО. Гиви «шили» незаконные сделки с драгоценными металлами. По той статье ему грозило до десяти лет заключения.

– Однако, – как сказал он, улыбаясь, – следователю не удалось доказать мою вину. Тут помогли земляки – это их заслуга.

Испытывать судьбу Гиви больше не стал: сразу после освобождения рванул подальше от того страшного места.

Как оказался на Колыме и как попал из Магадана в Хандыгу, откуда теперь они плыли, он не сказал, а Борис и не спрашивал. Общая беда их объединила: после заключения обоим хотелось выговориться, и тем для разговоров нашлось достаточно.

Несколько раз шум двигателя затихал, и, не доходя до берега, «Ракета» останавливалась. За бортом слышались голоса, удары о судно причаливших к нему моторных лодок. Борис вздрагивал, испуганно смотрел по сторонам.

«А вдруг это за мной? Может, Максимов...»

Но, приняв на борт новых пассажиров, «Ракета» быстро отчаливала. Такие же мысли, по-видимому, бродили в голове и у Гиви. Как только за бортом стихало, он с облегчением предлагал очередной тост.

– Сюда бы сейчас мои шашлыки, – закусывая варёной колбасой, сказал Борис. – По словам друзей, они были неплохими и, кстати, приносили хороший доход. Только накрылся мой бизнес – всё пошло прахом.

– Ты сам делал шашлыки, занимался таким непростым бизнесом? – удивился Гиви. Он считал, что только его земляки могли приготовить настоящие шашлыки и получать хорошую прибыль.

Борис рассказал о своей беде. Без утайки поведал о дедушкином кладе и о его поисках. Коснулся также заключённых, добывавших золото в тайге. Бесхитростно парень сыпал знакомыми названиями рек и ручьёв, называл людей, с которыми его свела судьба.

«Да кто их найдёт в этом Богом забытом месте?», – думал он, всё больше входя в роль кладоискателя.

Гиви оказался хорошим собеседником – слушал внимательно, не перебивал. Особенно его заинтересовал золотиносный участок, где было добыто золото «дедушкиного клада». Он даже попросил повторить название ручья, на котором он находился. Вырвав из записной книжки листок бумаги, Борис нарисовал схему района. Подумав, нанёс на неё маршрут от трассы.

– Вот тут находится бывший лагерь заключённых, – поставив флажок на схему, ткнул он пальцем в бумагу, – а где-то здесь, рядом, эки добывали золото. Точно я не покажу, но знаю, что там есть канавы. Их даже видно с вертолёта.

– И что, там никто не работает? – с удивлением в голосе спросил Гиви. – И даже нет людей?

– Об этом участке никто не знает. До войны его открыли эки, и с тех пор там никого не было.

– Такого не может быть! – осмыслив услышанное, удивился Гиви. – В наше время вроде всё изучено. Каждый клочок земли на учёте, а если это месторождение – тем более. Очень странно...

– Ну, кто его знает, возможно, по каким-то причинам не хотят отрабатывать. Деталей я не знаю.

Гиви задумался. О таком он мог только мечтать: попутчик рассказывает ему о целом месторождении золота и даёт схему участка, по которой его можно найти.

«Прямо, как в кино, – промелькнуло в его голове. Похоже, парень не врёт. То золото, которое он держал в своих руках, потерял, а это – ещё в земле. Для него оно ничего не значит – оно пока виртуальное. Он даже не знает, как его оттуда взять».

Взгляд своих серых глаз он устремил мимо Бориса, и, казалось, смотрит в иллюминатор.

За окном светило солнце, мелькали таёжные пейзажи. В салоне «Ракеты» пассажиров заметно прибавилось. Борис и Гиви этого не замечали – они были заняты своими разговорами.

– Давно кончилось то время, когда золото мыли в тазиках, – после недолгого молчания, сказал раскрасневшийся Гиви. – Сейчас так никто уже не моет, в наше время «стараться» по старинке нет смысла. Если уж заниматься добычей золота, то добывать надо много. Золото – это деньги, это валюта. С ним ты везде желанный человек. Для того чтобы добыть металл, нужна землеройная техника, иначе много не возьмёшь.

Борис кивнул головой.

Приняв крупные боковые притоки, Алдан стал значительно шире. Целая бездна воды плескалась за бортом. Таких рек Борис ещё никогда не видел и с интересом смотрел по сторонам. Было радостно сознавать, что он оказался в этом сказочном краю. Из задумчивости его вывел Гиви.

– Туда нужно загонять бульдозеры, завозить горючку на целый промсезон и пахать. Вот тогда будет толк. Только вначале надо узнать, есть ли там золото на самом деле. А то, может, это всё туфта.

Борис сказал, что этот участок описан в дневнике его деда, поэтому отвечает за свои слова.

– Есть там золото, я гарантирую.

– Понятно, – почесал затылок Гиви. В его глазах проскочили озорные огоньки и тут же потухли. – Ну, тогда этот участок нужно застолбить, а потом разрабатывать. Он пока нам не под силу.

В словах Гиви Борис почувствовал неудовлетворенность собой и намёк на перспективу. Гиви явно чего-то не договаривал.

– Я уже давно работаю на себя, на дядю пусть работают другие, – тихо продолжал он. – По-другому я теперь даже не мыслю своей жизни. Понимаешь, Борька, нужно стремиться к тому, чтобы металл попадал в твои собственные руки. Всех всё равно не прокормишь. Только в одиночку такие задачи не решаются, работать нужно сообща. В наше время это настоящее искусство...

Борис насторожился: один раз, соприкоснувшись с большим золотом, он попал под его магическое влияние. И теперь золото, как тень его бабушки, постоянно висела над ним, контролируя его поступки.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он Гиви и, не дожидаясь ответа, стал развивать свои мысли. – Ты хочешь сказать, что нужно самому добывать золото? Объединяться в бригаду и двигать в тайгу? Но это же подсудное дело! Есть соответствующая статья уголовного кодекса. И сроки там приличные. Как впаяют, мало не покажется. Ты же сам знаешь...

– Для того чтобы иметь золото, надо хотя быть рядом с ним, – уклончиво ответил Гиви. – Сам понимаешь, никто тебе его не принесёт на блюдечке с золотой каёмочкой. Ладно, это я просто так, к слову сказал. Проехали...

Увидев не ту реакцию, на которую рассчитывал, он быстро переключился на другое.

Выпив ещё по одной, Гиви посоветовал Борису пойти учиться на курсы бульдозеристов. В старательских артелях механизаторов не хватало, а платили им довольно прилично.

– С этой специальностью ты будешь как у Бога за пазухой, – наставлял он Бориса. – Так, кажется, говорят в России? Понимаешь, дорогой, ты будешь работать не на стройке, а добывать

золото на приiske. С документами машиниста бульдозера тебя возьмут в любую старательскую артель. Ну, сам прикинь, это же золото!

Борис сразу ожил, это был его конёк.

– Я знаю, что такое золото. Держал в руках и даже не один килограмм.

Пропустив его слова мимо ушей, Гиви продолжал:

– Если со временем попадёшь на японский Камацу или Катарпиллар, то считай, тебе повезло: ты вытащил счастливый билет. Понимаешь?

На его лице появилась загадочная улыбка. Было видно, что Гиви хорошо выпил.

– На Камацу можно работать зимой в одной рубашке. Комфорт, я тебе скажу, как в лучших домах Лондона и Парижа. Это тебе не на промприборе стоять двенадцать часов подряд. Работа на бульдозере – тепло, светло и мухи не кусают. Только на такой технике обычно трудятся родственники и приближённые руководства артели. Простым смертным дорога туда заказана. Слишком много желающих и мало техники. А платят там не в пример всем.

Допив бутылку, Гиви снова вернулся к этой теме. Можно было подумать, трудоустройство Бориса было его главной проблемой.

– А вообще, дорогой, надо быть поближе к золоту, – стал повторяться Гиви. – Вот так, глядишь, может быть, и тебе что-нибудь достанется. Так что, Борька, давай иди учись.

Золото теперь неотступно преследовало Бориса, пеленой закрывая глаза. Его мысли были заполнены этим чёртовым металлом, который звал его к себе. Поэтому, услышав о курсах бульдозеристов, Борис, поразмыслив, поехал в Алдан¹.

А между тем за обладание прииском эков разгоралась нешуточная борьба, грозившая перерасти в настоящую войну.

¹ Название Алдан имеет несколько значений: город районного подчинения, река, экономический район и др.

Глава 2. Командировка на Север

Солнце повисло над пологими заснеженными сопками, возвышавшимися над долиной горной реки, и быстро покатилося вниз. Бело-голубой уазик ходко поднимался по дороге, ведущей на север. Точно пытаясь догнать уходящий зимний день, водитель нажимал на газ, не сбавляя на поворотах. По обеим сторонам узкой извилистой дороги стояли двухэтажные деревянные дома, кое-где между ними затесались невысокие каменные строения. Их постепенно сменили заваленные снегом бревенчатые домишки. На горе показался оранжевый диск заходящего солнца и открылся вид на оставшийся позади город.

В начале двадцатого столетия в этих местах был открыт русский Клондайк – золотой Алдан. Тысячи тонн драгоценного металла пополнили золотой запас страны, помогли её становлению и экономическому развитию. Но расцвет и лучшие годы этого богатейшего края – всё это, как зимнее солнце в короткий день, быстро клонилось к закату. Главные запасы золота были отработаны. Из-за этого закрылись многие прииски, прекратили свое существование обогатительная фабрика и вспомогательное производство.

А вскоре, словно по велению времени, закрылась главная золотодобывающая контора, руководившая всем процессом и враз ставшая ненужной. Но жизнь не остановилась – освободившееся место заняли новые «фирмы» с другими названиями и несколько иными задачами.

В машине ехали два пассажира, одетые не по-зимнему легко. Впереди, откинувшись на спинку сиденья, с висевшим на нём тёмно-синим пуховиком, сидел темноволосый мужчина с аккуратно подстриженной бородой. Правильные черты лица и нос горбинкой делали его похожим на древнего римлянина из знатного рода, а коротко подстриженная бородка придавала профессорскую интеллигентность. На столике, втиснутом между сиденьями, лежала его лохматая шапка.

– Я надеюсь, под утро мы будем в Нижнем Бестяхе? – тоном, не вызывающим сомнений, сказал пассажир, сидевший впереди.

– Как всегда, – ответил водитель, убавляя звук магнитофона. – На АЯМе мне знакома каждая ямка. А вообще – лучше не загадывать. Я обычно говорю «должны быть», а то...

Водитель не договорил, машину резко тряхнуло, все подскочили. На время установилась тишина, стало слышно, как урчит двигатель машины, шумит печка. Молчание нарушил другой пассажир. Это был высокий мужчина в тёмно-синем свитере с короткой стрижкой, обнажавшей далеко заходящие залысины. Его глаза закрывали тёмные очки в массивной роговой оправе.

– За эту поездку мы накатаемся на месяц вперёд, – сказал он, ни к кому не обращаясь. – В последнее время я дальше Нерюнгри не ездил. Днями вот собирался...

Он зевнул, расслабленно развалившись на заднем сиденье. Во всём его теле чувствовалась усталость, накопившаяся за наряжённый трудовой день.

– Нам вообще-то можно было ехать по Алдану, – произнёс он сонным голосом, – но там нет дороги. Просто удивительно, до сих пор никто не пробил зимник. А ведь по реке было бы ближе.

– Я так не думаю, – послышалось впереди. – Лёд очень скользкий.

Главный инженер артели старателей «Куйга» Арнольд Михайлович Вербицкий в последние дни был на взводе. Меньше месяца назад он пережил один аврал: сдал отчеты по разработке трех участков золота, и вот совсем неожиданно «прилетела» новая проблема. По поручению председателя старательской артели Чугая Вербицкий занимался сбором материалов по новому объекту. Всё бы было ничего, да он находился совершенно в другом районе, где они никогда не работали. А причиной этого странного, на взгляд Вербицкого, распоряжения шефа стало непроверенное сообщение главного геолога Белова. По его словам, на каком-то никому не известном Уйгуре нашли золото. Этот объект находился в Верхоянье и пока никому не при-

надлежал. При определённом стечении обстоятельств он мог достаться кому угодно. Председатель артели увидел в этом явную выгоду для своего предприятия.

«А почему бы нам там не поработать? – подумал Чугай. – Хороших участков почти не осталось, а тут бери – не хочу. Если сведения Белова подтвердятся, то Уйгур я приберу к своим рукам».

Итак, задача была поставлена, а «крайним», как часто случалось, стал Вербицкий. Уже через неделю ему нужно было доложить о полученных результатах. Не каждый день приходилось главному инженеру решать такие непростые задачи, но он был опытным бойцом, повидавшим на своём веку немало.

В Алдане, взамен государственных предприятий, рождались новые старательские артели. Оснащённые приватизированной техникой, доставшейся в наследство от прежних владельцев, и поддерживаемые свежеепеченными законами, старательские артели росли как грибы после дождя. В отличие от них, артель «Куйга» была создана до «великой» перестройки и к временам старательского бума уже крепко стояла на ногах.

– В Бестяхе перекусим и двинем дальше, – поглаживая бороду, сказал Вербицкий. – Я знаю там одну приличную забегаловку, поедим блинов с домашними сливками. На АЯМе такими не кормят больше нигде.

Наклонившись вперёд, Белов пробасил:

– А что, в Якутск мы не заедем? Всего-то дел: переехать через Лену – и мы на месте.

Главный инженер отрицательно покачал головой.

– Только на обратной дороге, – сказал он усталым голосом.

Весь сон у Белова сняло как рукой, взгляд стал напряжённым. Нужно было спасать положение.

В эту артель он пришёл недавно. В сложное время Чугай пригласил его из геологоразведочной экспедиции, где он также занимался золотом. Белов оказался очень толковым геологом и хорошим организатором. За эти качества в артели его уважали, а Чугай с ним считался.

Вербицкий молчал, видимо, просчитывая возможные варианты, хотя и так было ясно – времени у них в обрез. Впереди показался гружёный КамАЗ с прицепом, узик пошёл на обгон.

– Нам надо засветло добраться до Хандыги, – нарушил он молчание. – Это почти тысяча вёрст от дома, – рассматривая водительскую кабину обгоняемого КамАЗа, сказал он, оборачиваясь к Белову: – Петро, так?

Водитель нехотя кивнул. Было видно, в своих мыслях он далёк от их разговора.

– Мне нужно в конторе забрать бумаги, – стал объяснять обиженный Белов. – Там же есть карта района Маймакана и Уйгура.

– Всё, что нужно, я взял, – показав на портфель, стоявший в ногах, жёстко сказал Вербицкий. – Владик, мы и так по твоей милости тут трясёмся, а тебя ещё куда-то потянуло. – Его губы тронула лёгкая усмешка, которую не увидел собеседник. – Ты уже должен знать шефа: за свои предложения ответственность несёт сам автор. Ну ладно отправил бы тебя одного, а то пристегнул ещё меня. Теперь все мои планы накрылись, так сказать, пошли коту под хвост. Ох-х!

Он потянулся и сладко зевнул. Как по команде зазевали водитель и Белов.

– Всё, мужики, я сплю, – откинувшись на спинку сиденья, едва слышно пробурчал Вербицкий. – До Улуу прошу меня не кантовать.

Небольшой посёлок дорожников Улуу находился ровно посередине между Якутском и Алданом. Прямо возле трассы стояли автозаправка и несколько частных дорожных закусочных. В Улуу старатели всегда останавливались передохнуть.

После университета Вербицкий несколько лет работал рядовым геологом в крупной геологоразведочной экспедиции, а потом довольно быстро пошел вверх по служебной лестнице. И там судьба свела его с председателем старательской артели «Юхта» Федотом Чугаем, креп-

ким хозяйственником и предприимчивым руководителем. Ещё в советское время, несмотря на всевозможные препоны и открытую неприязнь ряда министерств к старательской форме добычи золота, он смог создать свою старательскую артель. Поначалу Чугай работал на площадях, непригодных для промышленной разработки драгоценного металла, а со временем сумел приобрести тяжёлую землеройную технику. Артели стало тесно на некондиционных объектах, потребовались приличные полигоны с большими запасами металла.

Именно тогда Чугай познакомил Вербицкого со своим сыном Василием, кадровым офицером Советской Армии, приехавшим в отпуск из далёкого гарнизона. При первой же встрече оказалось, что у молодых людей много общих интересов. Пожив несколько дней на старательском участке, они засобирались на рыбалку.

Старательский вездеход был довольно старым, отслужившим свой век на армейской службе. В лесу и на болотистой местности он просто летел, подминая под себя кустарник и небольшие деревья. Зато, как только на его пути попадались развалы камней, вездеход не выдерживал: гусеница широкой полосой оставалась лежать позади. Несколько раз им приходилось менять траки. Тут Вербицкий был незаменим.

Широкоплечий, среднего роста Арнольд отличался недюжинной силой и выносливостью. На рыбалке они наловили десятка два приличных ленков и по одному крупному тайменю. Амбициозный Василий решил выяснить: кто лучший рыбак. При замерах оказалось, что таймень Арнольда больше. Психанув, он пошёл снова рыбачить, и, пока не поймал другого тайменя, они не уехали.

Для Вербицкого эта встреча стала судьбоносной: когда отец передал бразды правления сыну, Василий не забыл удачливого геолога, пригласил в свою новую артель.

Резко наступила ночь, свет фар уазика выхватывал из темноты занесённые снегом листовенницы и кучи песка по обочинам. Несколько раз дорогу перебежали зайцы, а один долго бежал перед машиной в луче света фар.

– Владик, ты не спишь? – повернувшись назад, окликнул его Вербицкий.

– Дремлю. Разве можно тут спать, – заохал Белов, – трясёт, как в танке. Мысли всякие в голову лезут...

– Мне тоже. Скажи, где это было видано, чтобы за четыре месяца до начала промывочного сезона накал страстей зашкаливал? А всё из-за этого злосчастного Уйгура, который ты подсунул шефу. Ну зачем он нам нужен в другом районе? Это же дикие проблемы. У себя дома мы кое-как наладили деловые отношения со всеми, а тут надо начинать всё по новой.

Главный инженер был убеждён, что решение шефа по поводу нового участка ошибочно, и переубедить его было непросто.

– Главное, чтобы там было хорошее золото, – твердил своё Белов, не желавший сдаваться. – Если это действительно стоящий объект, мы потихоньку освоимся, Михалыч, с твоими-то способностями и опытом работы, – бросил он ему комплимент. – Новые площади, ты сам знаешь, нигде не валяются.

Вербицкий пробурчал что-то о проблемах и замолчал, а Белов продолжал:

– Сейчас никому не сладко, время такое. У меня тоже дел хватает, но пришлось, так же как и тебе, всё бросить. – Он тяжело вздохнул. – Эта проблема действительно не терпит отлагательств. Я тебе уже говорил: об Уйгуре мне рассказал очень надёжный человек. И я почему-то просто уверен, он нас выручит ещё не раз. Не зря там зэки работали. Они не хватались за всё подряд.

Главному инженеру казалось, что тот «заварил кашу» из-за личных интересов и теперь пытается подвести под это оправдательную базу.

«Приплёл даже зэков, которых там, возможно, никогда и не было, – подумал Вербицкий. – Даже если они там вкалывали, то нам-то от этого не легче. Мало ли где они ни работали!

Они же наверняка отрабатывали лучшие участки. Значит, они собрали сливки, а нам оставили хвосты».

– Да таких объектов по всему северо-востоку страны не счесть! И что ж, всеми ими заниматься? – не выдержав, в горячах выпалил Вербицкий. – Владик, ты пойми меня правильно, если мы начнём распыляться, то не потянем. Тут дай Бог бы со своими делами разобраться. Документацией забит весь сейф.

Вербицкому нравились уверенность и упорство Белова. Как ни убедительно тот говорил, но у главного инженера крупной старательской артели на всё было собственное мнение, нередко совершенно противоположное точке зрения других. И всё-таки Белов его немного успокоил.

– Ладно, давай завяжем этот разговор, – сказал он, улыбаясь. – Утро вечера мудреней. Но, а в следующий раз, прежде чем шефу что-то предлагать, посоветуйся со мной.

Как и планировал Вербицкий, рано утром они были в Нижнем Бестяхе. На улице местами стелился морозный туман, и было видно, что холодно. Но, когда водитель посмотрел на градусник, закреплённый на лобовом стекле уазика, показывало минус сорок пять. Белов даже застучал зубами.

Дорога пошла по равнине. Навстречу попадались такие же, как у них, уазики и КамАЗы с прицепами. Возле дороги паслись низкорослые якутские лошадки. Разгребая снег, они добывали траву.

– Ишь, как копытят! Им мороз нипочём, – ни к кому не обращаясь, сказал водитель. – Смотрите, а на дорогу не выходят, знают, что им тут придёт конец, – добавил он, проводив их взглядом.

Густая шерсть покрывала лошадей с головы до ног. Из-за этого они казались косматыми, как мамонты.

– Это не просто дорога, а Колымская трасса, – с важным видом знающего человека произнёс Вербицкий. – Она пошла от Нижнего Бестяха на Магадан. Теперь это федеральная автодорога «Колыма». Так по всем документам Колымская трасса проходит.

За окном мелькали редкие леса и заснеженные аласы, как называли якуты поляны в лесу.

– Многие слышали, что она идёт от Магадана до Хандыги, но не все знают, что её тянули от Якутска, – усевшись поудобнее, продолжал Вербицкий. – После войны чекисты доставляли эков и часть грузов по Лене, а здесь делали перевалку на машины. Чуть-чуть трассу не достроили. Как вождь всех народов представился, так «Дальстрой» разогнали, следом эков по домам распустили.

– Сколько здесь езжу, первый раз слышу, что дорогу эки строили, – с удивлением сказал водитель. – Нигде об этом не сказано. А я думал – «Якутавтодор».

В сердцах Вербицкий даже обозвал его бараном. Он не уважал тех, кто не знал своей истории. По его убеждению, каждый должен был знать свои корни.

– Полтора миллиона заключённых там положил Сталин, – сказал он с вызовом в голосе. – Эта дорога идёт прямо по человеческим костям. Её правильной было бы назвать не Колымской трассой, а Трассой смерти или Дорогой в небытие.

– Жаль, что эки не добились трассу, – не обращая внимания на его переживания, гнул своё водитель. Сегодняшний день его интересовал больше, чем трагическая история страны. – Была бы трасса, по ней можно было бы ездить круглый год до Магадана, а так есть определённые проблемы. Я вообще-то не жалуюсь на дорогу, – на мгновение оторвавшись от руля, спокойно сказал он Вербицкому. – Для УАЗа эта дорога, как асфальт. Правда, летом стоит пыль столбом, зато зимой хорошо. Настоящее бездорожье начнётся за Ытык-Кюелем. Скоро сами увидите.

Как и говорил водитель, за посёлком со странным названием Ытык-Кюель начался зимник, по которому ездили только после того, как мороз намертво схватывал раскисшую землю. Зимник шёл под гору к долине Алдана. На нормальную дорогу этот отрезок пути действительно

не тянул: местами дорога была так сильно разбита, что даже лёд и укатанный снег не смогли её выровнять. Кое-где большегрузные машины пропахали глубокую колею, рассекавшую дорогу на склонах и в низинах тайги. Попадая в неё, уазик наклоняло то в одну, то в другую сторону, внизу что-то скрежетало и, казалось, вот-вот пробыёт поддон или сорвёт глушитель. Машина неуклюже выпрыгивала из колеи, скрежет прекращался и, как ни в чём не бывало, снова неслась вниз.

– Это военная машина, – каждый раз после такого экстрима говорил водитель, по-видимому подразумевая, что она очень крепкая.

Вдоль дороги стояли заснеженные лиственницы. Несколько часов ехали по зимнику, то и дело встречая гружёные КамАЗы с прицепами и рефрижераторы. Вскоре впереди показался Алдан, машина выехала на лёд. В лучах зимнего солнца он блестел и казался голубым, как небо в ясный солнечный день. По обеим сторонам ледовой дороги лежали торосы. На середине реки, где было сильное течение, лёд разбили глубокие трещины, залеченные морозом. Глядя на них, казалось, лёд сейчас разойдётся и машина пойдёт под воду.

Красота поразила Вербицкого, и он разговаривал с водителем, громко выражая свой восторг. А Белов тем временем молча размышлял о предстоящей встрече в экспедиции.

К концу рабочего дня старатели приехали в Хандыгу. Там стоял сильный туман, и можно было подумать, посёлок опустился в полуночную мглу, поглотившую всё живое. На градуснике было минус пятьдесят три.

– По сравнению с нашими тридцатью тут суровая зима, – поёживаясь от холода, сказал Вербицкий. – Даже в Нижнем Бестяхе было теплей. Как они тут живут?

Глава 3. Встреча

Виктор Коротков был тем самым «надёжным человеком», от которого Белов узнал об Уйгуре. Он предложил им одну приличную ведомственную гостиницу, которая по комфорту оказалась лучше многих городских. В их полулюксе было две комнаты. В большой, будто специально рассчитанной для приёма гостей, стояла мягкая мебель и овальный стол. На полу лежал большой ковёр с замысловатым узором. Под стеной возвышался полированный сервант, набитый разной посудой. Стены комнаты украшали цветные фотографии в багетных рамках, запечатлевшие горные пейзажи и сцены охоты. На стене другой комнаты был нарисован горный баран, стоящий на отвесной скале. Судя по сходству с фотографиями, он был перерисован, но сделано это было без должного мастерства. Из-за этого он больше походил на каменную статую.

На встречу с Коротковым Вербицкий возлагал большие надежды, поэтому сразу отказался от приглашения к нему, а настоял, чтобы тот пришёл в гостиницу. У него был свой стиль работы с нужными людьми, который он считал безотказным.

Когда Коротков открыл дверь, в номере вкусно пахло жареным мясом и копченой рыбой. Стол буквально ломился от закусок и выпивки. От тарелки с варёной картошкой ещё шёл пар. На большом блюде лежала разная рыба, нарезанная тонкими ломтиками. Посередине стола стояли коньяк, водка и виски. Здесь же были две стеклянные банки с зернистой икрой: одна – с красной, вторая – с жёлтой, из нельмы. Рядом с фруктами на краешке стола примостилась разноцветная тарелка с ветчиной и копчёной колбасой.

– Ничего себе! – увидев такое изобилие, ахнул геолог. – Ребята, ну вы даёте! Я уже забыл, когда ел такие деликатесы.

На лице Вербицкого появилась загадочная улыбка, означавшая, что своей цели он добился.

– Виктор Иванович, ну мы же всё-таки старатели, а не простые геологи, – сказал он с достоинством и добавил: – Что, мы не можем себе позволить немного радости в жизни? Это в наших силах. А тут ещё такая встреча!

Он назвал Короткова по имени-отчеству, показывая своё расположение к гостю, которого совсем недавно называл на ты.

– Когда же вы успели? Мы с Петром вроде ездили совсем недолго.

Коротков поставил на стол банку маринованных огурцов и помидоров.

– Думал побаловать вас своими соленьями, а у вас и так всё есть.

– Не переживайте, до утра ещё далеко, – сразу нашёлся Вербицкий. – Всё съедим.

Коротков сел рядом с Беловым на диване, напротив них в кресле расположился Вербицкий, сбоку на стуле скромно примостился водитель. Пока все галдели, Вербицкий, налив коньяка, предложил первый тост за знакомство и встречу на этой суровой земле. Потом с приключениями и прибаутками рассказал о тяжелой дороге и вскользь обозначил проблему, ради которой они сюда приехали. Однако, несмотря на его усердие, за столом чувствовалось напряжение. Коротков молчал, Белов клевал носом. Сутки, проведённые в дороге, давали о себе знать. Только после третьей рюмки «полегчало»: все сразу загалдели. Не давая расслабиться, Вербицкий налил снова.

– Владик, я хочу предложить тост за вас. То есть за тебя и за Виктора. Вы же, насколько я знаю, учились вместе.

Белов сразу проснулся. Университетская тема его всегда волновала. Возможно, это было связано с тем, что в своё время он сам отказался от аспирантуры. А теперь считал, что в нём пропал хороший учёный и педагог.

– Да, это действительно так: мы учились на одном курсе, только в разных группах, – обнял однокурсника Белов. – Мы даже вместе приехали в Якутию. Я помню как сейчас, пришли в

отдел кадров геологического управления, а нам говорят: «Осталось только по одному месту – на север и на юг. Выбирайте сами». Ну, мы бросили монетку, и в итоге я уехал на юг, а Владик попал сюда.

Улыбаясь и кивая время от времени головой, Вербицкий налегал на жареное мясо и огурцы. Поддерживая разговор, он подкидывал какие-то простые вопросы, позволявшие, по его мнению, не отклоняться от нужной темы.

– Во время учёбы мы вместе занимались лёгкой атлетикой, – всё больше увлекаясь и не обращая на него внимания, продолжал Белов. – Бегали на средние дистанции. Потом, правда, Витёк, я помню, ты пробовал себя в марафоне. У тебя вроде получалось неплохо, но ты почему-то вскоре завязал.

Коротков сказал, что ему пришлось выбирать между спортом и геологией, и он остановился на геологии. Было приятно сознавать, что он попал в компанию единомышленников, а рядом с ним его старый университетский друг.

– Высоких результатов в спорте мы, правда, не добились, но он помог нам в жизни, – похлопывая себя по груди, продолжал Белов. – Я думаю, только благодаря хорошей физической подготовке мы остались с тобой на Севере. Так сказать, прошли естественный отбор и выжили в суровых климатических условиях. Я прав, Витёк?

– Несомненно, это так, – кивнул головой Виктор. – Да, условия тут были совсем не простыми, – подхватил он эту тему. – Из-за этого уехали многие. Я даже не касаюсь быта, это особый разговор, который каждый день ведут наши жёны на кухне.

На лице Вербицкого промелькнула усмешка. Действительно, тяжело было жить на Севере: доставалось и его жене. Из-за этого, не выдержав, они расстались.

– В наших краях повсюду довольно высокие горы и если ты слабак, то можно быстро загнуться, – расправляя плечи, сказал Виктор. – Особенно тяжело было в первый полевой сезон. Но он, наверное, для меня оказался и самым интересным. Как раз к тому времени относится работа на площади планшета, где находится интересующий вас Уйгур.

Он перевел взгляд на закусывающего Вербицкого. Тот понял это по-своему.

– Всё, ребята, заканчиваем разговоры, давайте выпьем.

Вербицкий налил Короткову полную рюмку с намерениями побыстрее расставить все точки над «и» и предложил очередной тост.

– Итак, господа геологи, чтобы ваша дружба и в дальнейшем помогала нашему общему делу – делу, которому вы посвятили свою жизнь! За вас!

Только после этого он осторожно приступил к главному – к тому, ради чего была затеяна эта встреча. Сказал, что их интересуют материалы, касающиеся особенностей геологического строения Уйгура, и особенно результаты его опробования.

Коротков улыбнулся. Казалось, он был уже «хорош», однако тут же его взгляд просветлел. Профессионализм взял верх.

– Я вижу, задача у вас довольно сложная, – подбирая слова, начал геолог, – но она решаемая. Только для этого нужно время. Вы же знаете, у нас ничего сразу не делается. Основное я уже рассказывал Владиславу в прошлый раз. После нашего разговора практически ничего не изменилось, на Уйгуре больше никто не был. Зато мы повторно проанализировали те три шлиховые пробы, которые впопыхах отмыли под шум раскручивающихся винтов вертолёт. Тогда спецназовцы искали беглецов, и нам было не до опробования. Тем не менее пробы мы отобрали и получили кое-какие результаты.

Он поднял руку вверх, загибая пальцы, но быстро остановился. Сообразив, что добились они не многого, Коротков продолжал уже скромнее:

– В якутском институте геологии доктор наук Амузанский изучил наше золото. По его заключению, оно довольно высокопробное. В его составе встречается даже ряд редкоземельных элементов, не характерных для золота из других объектов нашего района. По размеру оно

мелкое, форма золотинок типичная. Вот такие дела, мужики! Пока это всё. Больше мне добавить нечего.

Вербицкий не выдержал. Все планы рушились, ещё не начавшись. Как бы ни относился он к затее шефа, но от этой поездке ожидал большего. А получалось – только зря потрачено время: этот объект не стоил выведенного яйца.

– А какие получили содержания по этим пробам? – сухо спросил он Короткова, который, поняв его состояние, улыбнулся и ответил с достоинством:

– По последним данным, среднее содержание золота составляет почти семьдесят граммов на кубометр породы. Кстати, содержание золота в пробах разное, тем не менее минимальное равно тридцати восьми граммам на куб. Особо отмечу – все пробы отобраны из борта канавы, пройденной по рыхлым отложениям.

На лице Вербицкого появилось что-то вроде улыбки. И было отчего. Если учесть, что его старательская артель работала на площадях с содержанием золота, не превышающим трёх граммов на один кубометр породы, то данные по Уйгуру превосходили все ожидания. Участок явно обнадёживал.

– То, что вы отобрали пробы и получили такие содержания золота, – это хорошо, а почему же ничего не делали? – спросил он строго. – Уйгур вас не интересует, или нет денег на проведение работ?

– Я, думаю, ничего нового для вас не открою, – выдержав его напор, спокойно начал Коротков. – У нас положение такое же, как во всей геологии страны, которую в перестроечное время успешно развалили. Технику и прочие материальные ценности растащили, кадры разогнали. В итоге от всего громадного коллектива профессионалов остались три калеки. Однако и над их головами уже занесён меч.

Он потянулся за стаканом воды. И, выпив, продолжил:

– Сегодня средний возраст геологов экспедиции где-то ближе к пятидесяти. Как вы считаете, господа старатели, нормально это? Конечно, нет, – и, выдержав паузу, сказал: – Условия у нас были такими, что толковая молодежь сразу разбежалась, а недавно сократили оставшихся. Теперь балом правят ветераны. Скажите, что они могут сделать без молодой смены?

– Ничего они не сделают, – пробормотал Белов, до того не вступавший в этот разговор. – Их век подходит к концу.

– Во-во, свой опыт им передать даже некому, – продолжал Коротков. – Понимаете, преемственность поколений нарушена. А если примутся за стариков, первым по возрасту попросят Синицына. На прощание вручат ему знак первооткрывателя за Уйгур и выставят на улицу. Вот такие у нас дела, господа старатели.

Вербицкий и Белов хорошо знали положение с геологией в стране. За последние три года они сами повидали всего. Порой их карьера зависела от случая, но удача им благоволила и по сравнению с другими теперь они оказались на высоте.

– Да, дела у вас безрадостные, – открывая бутылку виски, сказал Вербицкий. – Совсем хреновые дела. У нас в Алдане обстановка немного лучше. Хотя тоже целые геологоразведочные партии разогнали.

– Надолго ли собаке блин? – фыркнув, вставил Белов, знавший о состоянии дел в экспедиции лучше Вербицкого. – Этого, мужики, наверное, и сам начальник не скажет. Как сократит Геолком финансирование, так сразу станет ясно, что и кто там останется.

Он хотел спросить Короткова о перспективах освоения Уйгура, но тот стал сам развивать интересующую его тему.

– Если у вас ещё не пропал интерес к этому объекту, туда нужно слетать. Как вы на это смотрите?

– Да нормально. Мы не против, – сразу ответил Вербицкий. Белов только согласно кивнул. Он давно мечтал попасть на Уйгур, но пока это не входило в их общие планы. Поэтому был несколько удивлён позицией Вербицкого и в то же время обрадовался.

– Ну, тогда давайте летом махнём туда на недельку, – оживился Коротков. – В тот раз мы спешили и ничего толком не видели, а сейчас спокойно проведём нормальное опробование, составим карту. А мне ещё, знаете, хочется посмотреть лагерь эков. Очень интересное место, скажу я вам! И очень таинственное!

На его лице отразилась загадочная улыбка, говорившая о многом, но он тут же продолжил:

– Возьмём с собой Синицына, я думаю, он не откажется. Что ни говорите, это его детище: Иван Васильевич долго с ним носился, доказывая, что там может быть промышленный объект, только так ничего и не пробил. Всего-то навсего нужно было заверить аномалию, и, может быть, давно открыли бы этот Уйгур. Как ни странно, никто не пошёл ему навстречу. В чем дело, я до сих пор не пойму. Обычно начальство всегда выкраивает лётное время, используя разные варианты, а тут за двадцать лет ни разу не нашлось для него вертолёт. Какой-то заколдованный круг: как будто какие-то силы его туда не пускали. Вот скажите, господа хорошие, может быть такое?

Белов пожал плечами, а Вербицкий, пропустив его слова мимо ушей, думал о чём-то своём, забрасывая в рот по виноградине.

На свой вопрос Коротков сам же стал отвечать. Неожиданно он перешёл на шёпот, его речь стала загадочной:

– Говорят, там геопатогенная область: души расстрелянных эков ходят по ночам. Им давно уже следовало бы покинуть этот мир, а они до сих пор ищут своё последнее пристанище. – Тут он неопределённо поводит рукой и добавил: – Путешествие между двумя мирами для эков задержалось на десятилетия. Представляете, как будто Высший Разум до сих пор не может решить их судьбу. Вот их души и маются на белом свете.

Бросив есть, Вербицкий уставился на Виктора, не зная, как отнестись к его словам. К разговору о потустороннем мире он был явно не готов. А тот продолжал:

– Я слышал, что неприкаянные души могут переселяться в телесную оболочку человека. Допустим, внешне это я, а душа внутри – твоя. Как вам такая картина?

В подтверждение своих слов он постучал кулаком себя в грудь, показав пальцем на своего друга. У того в глазах появился испуг.

– Понимаете, этим душам нужен покой, а им мешают, не дают дожить спокойно, – гнул своё Коротков. – Поэтому они даже нападают на тех, кто их потревожил, и поделом – нечего их трогать. Знаете, нашим ментам они такую порку там устроили, что те до сих пор вспоминают о них с содроганием! Им ещё долго после той встречи всюду чудились жмурики, а двое попали даже в психушку. И есть отчего: ночью на них напали привидения. Бр-р-р, жуть какая!

Поёжившись от ужаса, он резко замолчал. Повисла зловещая тишина. Округлились глаза у Владислава, побледнел Вербицкий.

– Так вот, когда привидения на них напали, – снова начал Коротков, – менты отстреливались до последнего патрона. А те всё идут, идут. Они бросили гранату... Представляете, пули их не берут и граната не помогла. Только с рассветом привидения сами ушли. Ужас какой! Страшно даже представить, что там было. Кстати, это подлинный факт, я ничего не придумал.

Белов посмотрел на друга странным взглядом. Он подумал, не перебрал ли тот, а Вербицкий решил, что у Короткова с головой не в порядке. Неожиданно для них Коротков развеял все сомнения, заговорив по существу интересующей их проблемы.

Глава 4. Учёба

Золотой Алдан встретил Бориса дружелюбно. В городе было по-летнему жарко, на пологих склонах оврага цвёл иван-чай. Контору, набиравшую слушателей на курсы бульдозеристов, искать пришлось недолго. Прямо с автостанции он прошёл дворами до заросшей тополями улицы и вскоре был в здании политехникума. Узнав, что он только что с дороги, в приёмной комиссии его приняли как дорогого гостя. Анна Петровна и Марина Ивановна, как представились девушки, занимавшиеся курсами, напоили его чаем со свежим голубичным вареньем и даже предложили домашние пирожки. Попутно они рассказывали городские новости, не забывая и о себе. Девушки были преподавателями этого колледжа, проводившего подготовку специалистов разного профиля.

По словам разговорчивой Марины, попасть на эти курсы было не легче, чем поступить в престижный институт. Желающих стать бульдозеристами уже сейчас оказалось намного больше, чем могли обучить в этом старейшем учебном заведении города. Тем не менее Марина обещала Борису помочь при зачислении.

Была она выше среднего роста. Обтягивающие брюки и короткая кофточка подчёркивали её стройную фигуру с тонкой талией. Под белой футболкой играла высокая грудь. При вдохе и выдохе она поднималась и опускалась, невольно приковывая к себе внимание парня.

А дальше всё пошло совсем не так, как хотелось Борису: курсы начинались только в сентябре и стоили совсем недёшево. Таких денег у него не было. Получалось, что если бы он и нашёл их, то больше месяца ему надо было бы чем-то заниматься. Своими проблемами он поделился с девушками. Про себя решив, что, видно, не судьба стать ему бульдозеристом. Поговорив между собой, девушки посоветовали обратиться в геологоразведочную экспедицию, где, по их мнению, всегда нужны рабочие руки.

– Сейчас во всех организациях повальные сокращения, в кадрах нет недостатка, – говорили они наперебой. – Поэтому можно никуда даже не ходить. А инженеры тем более не нужны сейчас никому.

Борису оставалось только слушать и в ответ молча кивать головой. О тяжёлом положении с работой он знал и сам. Только от этого легче не стало.

– Да кто же возьмёт тебя на месяц? – встала Марина. – Только оформление с медкомиссией займёт неделю, а когда же ты будешь работать?

Так он и ушёл с головной болью, не зная, что ждёт его впереди. Однако ему снова повезло. В геологоразведочной экспедиции единственный полевой отряд, который ещё не уехал, был не укомплектован. Начальник его, посмотрев на спортивную фигуру Бориса, повел его в отдел кадров. В отряде главного геолога экспедиции Калинкина, занимавшегося изучением золотосодержимости большого региона, кроме Бориса, было ещё двое студентов-геологов из Ростова, проходивших производственную практику.

Калинкин принёс ему новенький брезентовый костюм и резиновые сапоги. В итээрзовском общежитии, куда его устроили, жили нигде не работавшие рабочие и его коллеги по отряду.

– Выкинули нас с участков, а там ещё можно было работать, – ругались подвыпившие рабочие, волею случая оказавшиеся здесь. – Ну куда теперь без денег? Только воровать...

Вечера Борис проводил со студентами с гитарой в руках, а с утра за ними подходил экспедиционный уазик. Загрузив снаряжение, они ехали на золоторудный участок Токур, который находился недалеко от города. Ещё совсем недавно там стояла геологоразведочная партия, но из-за повального сокращения отрасли работы там закрыли, а партию ликвидировали. Кое-кто из бывших работников осел на Севере, а кто-то откочевал на свою историческую родину или в более благодатные места. Участок надо было повторно изучить, и только после этого его можно

было передавать для разработки. По этому поводу больше всего болела голова у главного геолога, добровольно взвалившего на себя тяжёлую ношу.

Подгоняемые Калинкиным, Токур отработали довольно быстро, а вот с другим участком возникли проблемы. Орто-Иджек находился далеко от населённых пунктов, в горах, поэтому туда пришлось лететь вертолётom. Так же, как и Токур, этот участок закрыли, а работы не закончили. О недавно стоявшем посёлке геологов теперь напоминали только три рубленых дома и вертолётная площадка. В домиках был полный погром, а вертолётную площадку завалили разным бутаром и развалившимися ящиками с пробами. Геологи бросили отобранные пробы, даже не проанализировав. При отъезде они не волновали больше никого – нужно было думать о себе.

И тут Калинкин хотел сделать то, что не успела доделать целая геологоразведочная партия: завершить работы и написать отчёт. Золото, которое они искали, было настолько мелким, что никто не видел его в глаза. Даже умудрённый опытом Калинкин часто только предполагал о его содержании в породе. Поэтому при поисках он больше руководствовался другими признаками, косвенно указывавшими на его присутствие.

Борис был немало удивлён, что, занимаясь изучением золотоносности месторождения, они не видели самого металла.

«Что же это за золото, которого в глаза не увидишь?» – думал парень, отбирая пробы. Но Калинкин объяснил, что оно, как узник, находится в других минералах. Самое интересное, этого золота он сам никогда не держал в руках. Услышав это от «золотого корифея», как называли его студенты, Борис почувствовал себя на высоте: ведь у него было почти пять пудов золота. Правда, он его потерял...

Может быть, успел бы отряд Калинкина закончить работы в срок и всё было бы так же, как на Токуре, да подвела погода. Солнечные дни, стоявшие до них, быстро сменились дождливыми. Если с утра светило солнце, то к обеду обязательно начинался дождь. Планы Калинкина рушились прямо на глазах, а вместе с ними таяли надежды Бориса о курсах бульдозеристов. И всё же Борис надеялся на удачу, не предполагая, как непросто будет решить эту проблему.

Благодаря героическим усилиям Калинкина и его немногочисленного отряда, работу закончили только в конце сентября, когда занятия на курсах уже шли полным ходом. И хотя Борис сдал документы и был в списке курсантов, приказа о его зачислении не было. Как оказалось, главной причиной, из-за которой он чуть не остался за бортом, было не опоздание, как он думал вначале, а самое банальное – несвоевременная оплата.

И если бы не его летний визит в приёмную комиссию, неизвестно, как бы сложилась его дальнейшая судьба. Выручила Марина, взявшая на себя роль добровольного «спасателя». Она утрясла все организационные вопросы, и вскоре он уже учился. Занятия на курсах стали главной целью в его жизни, а потерянное золото, не дававшее ему спокойно жить, ушло далеко и, как он думал, безвозвратно.

После полевых работ Борис стал по-другому смотреть на жизнь. А виной тому стал геолог Калинкин. Борис постоянно вёл сам с собой бесконечные споры, размышляя о смысле жизни, о её ценностях, о себе самом.

«Для того чтобы оценить свою жизнь, надо подвергнуться испытанию, – слышались ему слова Калинкина. – Только после этого можно критически посмотреть на себя со стороны и смело признать допущенные ошибки».

В своих мыслях Борис подшучивал над Калинкиным и даже смеялся над ним открыто, считая того бездушным фанатиком, который ради своих амбиций безжалостно эксплуатирует подчинённых. Однако со временем его отношение к Калинкину изменилось: он понял, что именно на таких увлечённых людях держится любое дело. Работая больше всех, он заражал своей неуёмной энергией и увлечённостью, а свой богатый опыт сполна передавал студентам. Это был долг, возложенный на его плечи поколением ушедших геологов.

Целыми днями Борис занимался, а вечерами штудировал литературу. Возможно, так продолжалась бы до окончания курсов, если бы не Марина. Она вытаскивала его на концерты художественной самодеятельности, водила в кино. Однажды после дискотеки они пришли к нему в общежитие.

Марина сняла тёмно-синюю курточку с капюшоном, закрывающим голову, и осталась в плотно облегающей бледно-голубой кофточке. Карие глаза смотрели на него из-под узких чёрных бровей. Борис оценивающе осмотрел её. Каштановые волосы украшала яркая заколка с цветочками, в ушах были большие золотые кольца. Во взгляде девушки чувствовалась уверенность в себе и чувство собственного достоинства.

– Тебя не кажется, что у нас с тобой какие-то школьные отношения, – обнимая девушку, сказал Борис. Он ощутил лёгкий запах её духов.

– Нет, не кажется. А тебе, наверное, хочется сразу в постель? – отстранилась Марина. – До тебя у меня был парень, с которым я поссорилась только из-за этого. Я думаю, ты не такой.

– У тебя был парень?..

Путаясь и сбиваясь, девушка рассказала, как было дело. Весной на вечеринке у подруги она познакомилась с молодым человеком, приехавшим на заработки. Туда его привёл друг Ирины, с которым он работал в одной старательской артели. Молодой человек Марине понравился, и, казалось, их чувства были взаимными, однако у него была семья.

– Дорогая моя Марина, ты мне очень нравишься, – сказал Борис. – Про свою любовь я пока говорить тебе не буду. Но то, что я от тебя без ума, – это факт.

Он обнял Марину. Девушка молча отвечала на ласки. Так стояли они посреди комнаты и целовались. Потом Борис взял её за руку и отвёл к кровати, стоявшей возле окна...

Глава 5. Переговоры

Всю ночь старатели провели в разговорах с Коротковым, уснув прямо за столом, но с утра уже были на ногах. Виктор опух, под глазами появились синяки. Сказалось отсутствие соответствующей тренировки. А старатели выглядели свежо. Белов побрился, Вербицкий погладил костюм, переделал рубашку и был готов хоть на приём к самому министру. Позвонив по телефону, Виктор направился к опустевшему столу.

– По вашим данным можно пока сделать только прогноз, – усаживаясь рядом с ним, сказал Белов. К сожалению, ничего нельзя сказать о запасах золота, – произнёс он, наливая кофе. – А без этого, Витёк, невозможно планировать работы. Сейчас разрабатывать Уйгур очень рискованно.

– Что имеем, то имеем. Другого пока не дано, – сказал Коротков. – Я так понимаю вашу задачу, мужики, – ни к кому не обращаясь, продолжал он развивать свои мысли. – Перед вами проблема: браться за Уйгур или нет? Вопрос стоит ребром, и сейчас нужно принять определённое решение. Если он вас устраивает, тогда туда нужно вкладывать деньги. Я прав?

Нервно заёрзав в кресле, Вербицкий молча кивнул головой: Коротков попал прямо в цель. Именно эти проблемы беспокоили старателей артели «Куйга».

– Если мы решим, что Уйгур нам не подходит, о нём можно будет забыть навсегда, – сказал главный инженер. – У артели нет лишних денег на его разведку. Да и процесс этот довольно затяжной. А нам нужна быстрая отдача: сегодня вложил деньги – завтра получил прибыль.

В соседней комнате водитель включил телевизор. В новостях, как будто специально по теме их беседы, говорили об инвестициях в экономику страны и разработке новых месторождений нефти и газа.

– У вас будет ещё одна проблема, я чуть не упустил её из виду, – послушав новости, спохватился Коротков. Страхнув с колен крошки от упавшего печенья, он посмотрел на Вербицкого.

– Туда нужно будет завезти технику. Ближним путём не пройти – не дадут узкие ущелья. Значит, нужно будет идти в обход по Маймакану. А там никто ещё не проходил, придётся бить зимник. Расстояние довольно приличное – без малого двести километров.

– Зимник для нас не проблема, – спокойно ответил главный инженер. – Почти каждый новый участок начинается с него. Их уже столько у нас было, что я сбился со счёта. Сейчас главное – не упустить время: нужно всё завозить по зимнику. Вертолётom сильно не налетаешь. Он сейчас, знаешь сколько стоит?

На лице Короткова появилась улыбка. Из-за того, что у него не было денег на самолёт, он уже несколько лет не мог съездить в отпуск. Так и проводил его в посёлке.

– Я, конечно, не экономист, но уверен, завозить грузы авиатранспортом крайне невыгодно. Он мгновенно сожрёт всю прибыль. Стоит ли тогда работать?

Вербицкий говорил о значительных затратах на освоение новых участков и с сожалением вспомнил о плановой экономике, при которой платили из государственного бюджета.

– Вот поэтому нужно всё просчитать, от правильного решения может зависеть судьба нашей фирмы, – перебив его, вставил Белов.

– Ну, слава Богу, Владик, ты теперь сам к этому пришёл. Это прогресс!

Не обращая внимания на начавшуюся перепалку старателей, Коротков продолжал:

– Я бы, конечно, отказался от этой затеи, оставив Уйгур до лучших времён, когда будет больше фактического материала. Но это я, а у вас же всё по-другому. Вы же старатели! Правда, если честно, в отличие от вас я человек не рискованный: если что-то делаю, вначале сто раз отмерю.

Возможно, из-за этого я не так часто пью шампанское и даже не пошёл к старателям, где платят намного больше, чем в нашей экспедиции. Кстати, меня тут звали в одну артель.

Старатели переглянулись. Сейчас они увидели совсем другого Короткова.

– Богатырёв, наверное? – осторожно осведомился Белов.

– Богатырёв. А ты как догадался?

– Да что там догадываться? У вас всего три артели: «Курунг», «Суордах» и «Куйдусун». Ну а Богатырёв вроде выходец из вашей экспедиции. Значит, кто тебя может пригласить? Всё очень просто, проще некуда.

– Кстати, что это за мужик? – отставив рюмку, неожиданно спросил Вербицкий.

Виктор сидел, опустил глаза, и Вербицкий не заметил вспыхнувшего в них огня. К этому вопросу он был не готов. В то же время нужно было что-то ответить, и неожиданно для себя он стал рассказывать о Богатырёве.

– Артель Богатырёва – это отдельная история, которая заслуживает внимания правоохранительных органов, – начал он почти шёпотом, будто боясь, что его кто-то подслушает. – До перестройки Алексей был у нас секретарём парткома ну и, следовательно, был вхож во властные структуры. Я уже начинаю забывать их названия. Райкомы, райисполкомы и прочие комитеты... Так вот, пользуясь своими связями, Богатырёв в то сложное время ухватил себе лакомый кусок в виде техники, мастерских и других основных фондов.

– Что, так запросто всё себе забрал и все промолчали? – с ехидцей в голосе спросил Вербицкий.

– Конечно, нет. Я же говорю, ему помогли. Думаю, здесь не обошлось без начальника экспедиции, кстати тоже мгновенно разбогатевшего. Только, в отличие от Богатырёва, он не стал открывать здесь фирму, а продал свою долю через подставных лиц и в тёплых краях купил себе недвижимость. Васильев оказался не таким прозорливым, как Богатырёв. Зато тот вложил свои денежки в золотодобычу и, как видите, не прогадал: теперь он первый человек в районе – новый русский с толстым кошельком. Сейчас в его артели работают две бригады. А в нашем посёлке у него три магазина, автозаправка, столовая, пекарня и прочее добро, о котором я даже не знаю. Его теперь голыми руками не возьмёшь – там всё крепко повязано: администрация своя, менты прикормлены. Короче, без нагана не поймёшь, кто свой, а кто чужой.

– Ну что я могу сказать? – резко начал Вербицкий. Он покраснел, глаза загорелись. Можно было подумать, сейчас решается главный вопрос, ради которого он сюда приехал. – Молодец ваш Богатырёв! Я считаю, он поступил в духе нашего перестроечного времени: не он, так кто-нибудь другой прибрал бы всё к своим рукам: свято место пусто не бывает. Просто он острее других прочувствовал переломный момент в нашей истории и сумел правильно реализовать свои возможности. Такое дано не каждому. Вот поэтому сейчас одни оказались на улице, а другие процветают. Такова наша действительность, и с ней придётся считаться. Это свершившийся факт!

Он потянулся за рюмкой. Выпили, и разговор вернулся в прежнее русло.

– Я вам дам карту района Уйгура, это моя рабочая двухсотка, которая ещё со времен съёмки сохранилась, – закусывая, сказал Коротков. – На ней всё вынесено, даже лагерь зэков теперь показан. Рука всё не поднималась выбросить, и вот, как видите, получается, что уже дважды пригодилась.

– Интересно, очень интересно! – почёсывал бороду Вербицкий. – А кто же был первым? Явно кто-то свой.

– Да нет. В прошлом году один парнишка тут ко мне обратился. Вернее, молодой человек. Было это как раз накануне той заварухи с поисками преступников в тайге. Зашёл он ко мне от Синицына, говорит: «Ищу сталинский лагерь, где сидел мой дедушка». Ну, стал у меня спрашиваться по этой площади. Мы же там работали с Иваном Васильевичем, поэтому я её хорошо знаю. Я ему отвечаю: «Нет там никаких лагерей и неоткуда им взяться». А он мне в ответ

говорит: «Должен быть там лагерь». Понимаете, выглядит это даже смешно: молодой человек никогда там не был, а я своими ногами заходил всю площадь, и он мне говорит, что там должно быть. Тем не менее выдержки мне хватило – не выставил я его за дверь. Стал растолковывать, почему не может быть там лагеря. Основной аргумент, которым я руководствовался, – далеко, да и нечего им там было делать. А теперь вот, видите, оказалось, что там и правда был лагерь. Хотя площадь того планшета мы вроде заходили как следует...

Подперев голову руками, Вербицкий внимательно слушал.

– Ну, это же не иголка в стоге сена, а целый лагерь, возможно с бараками, – сказал он раздраженным голосом. – Как же его можно не заметить? Я такого не понимаю. Что, его эки так спрятали?

Вербицкий, поняв, что взял не тот тон, на лице появилась простодушная улыбка.

– По-моему, Виктор, это невозможно. Ну как можно не увидеть бараки?

Белов усмехнулся. Потрепав своего друга по плечу, он потянулся за минеральной водой.

– Ну ты, Витёк, что-то финтишь! – отпив глоток, сказал он протяжно. – Сам говоришь, что там не глухая тайга. А в горах, куда ни глянь – всё на виду, никуда не спрячешься.

– С головой у меня всё в порядке, так что, мужики, не подумайте чего, – пробурчал Коротков, принимаясь за бутерброд с красной икрой.

Отодвинув тарелку, Вербицкий задумчиво водил указательным пальцем по полированному столу. Голова отказывалась что-либо понимать, но он старался разобраться в этой не вполне обычной ситуации.

– И что, молодой человек нашёл тот лагерь? – пристально посмотрел он на Виктора, будто от его ответа зависел результат их встречи.

– Не только лагерь. Можно сказать, он открыл Уйгур. Точнее, благодаря тому парню его открыли снова.

– Вот как! – с удивлением воскликнул Вербицкий. – Неужели такое возможно? – обратился он к Белову, таращившему глаза на Виктора. – Значит, он воспользовался твоей картой и, по вынесенным на ней отметкам, вышел на большое золото, которое вы когда-то потеряли.

До Белова, видно, только сейчас дошёл смысл сказанного, и, похлопывая Виктора по плечу, он сказал:

– Витёк, так первооткрывателем Уйгура можно считать тебя, а не Синицына. Тогда при чём тут он?

– Подожди, мужики, не гоните лошадей. Вы всё куда-то спешите, не даёте мне договорить. Всё совсем не так. Я показал ему только то место, где стояла какая-то баня, а дальше он сам. Он же не месторождение золота искал, а лагерь, в котором сидели эки. Золото, к вашему сведению, его совсем не интересовало. Я вам ещё раз повторяю, ему нужен был только лагерь эков.

Интерес к сообщению Короткова был настолько велик, что Белов и Вербицкий заговорили наперебой.

– Теперь понятно, месторождение было открыто уже до вас, а вы только подтвердили факт его наличия и сейчас заявляете об открытии, – произнёс Белов. – Получается, месторождение нашли эки, а не ваша экспедиция, как теперь говорят. – На лице Вербицкого можно было прочесть недоумение. Старатели галдели и, казалось, сейчас разом навалятся на Короткова, но, когда тот стал говорить, сразу замолчали.

– Я этого не отрицаю. На той площади мы проводили съёмку уже после эков, но о том, что они там работали, мы даже не догадывались. Да мало ли таких мест, где когда-то работали люди, а потом их снова открывали? Что же там написано? В общем, это не имеет никакого значения. Главное – результат. Они шли своим путём, а мы своим.

Из-за вошедшего водителя разговор ненадолго прервался. Машина требовала внимания.

– Так вот, я продолжу о карте, – после того, как водитель ушёл, начал Коротков. – Оказалось, что лагерь зэков находился в одном месте, а баня, которую я видел и нанёс на свою карту, – в другом. Места там совсем мало – горы кругом, поэтому её там построили. Молодой человек нашёл вначале лагерь, а уже от него вышел на само месторождение. Самое интересное, что он мою баню даже не видел. Не дошёл до неё.

– Витёк, ты рассказываешь нам какой-то детектив. Золото, зэки, сталинские лагеря, – декламировал Белов, размахивая вилкой. – Прямо хоть роман пиши. Ну и попали мы на тебя! Только ради этого можно было сюда приехать. Вообще-то нам надо почаще встречаться.

– При соответствующей обстановке хоть каждый день, – сказал Коротков, показывая на полупустой стол. – Потом как-нибудь я вам расскажу ещё.

Он невзначай посмотрел на Вербицкого, а тот ловил каждое слово. Было видно, что рассказ геолога его заинтересовал.

– Виктор, давай начистоту, я буду с тобой предельно откровенен, – резко встав с кресла, сказал Вербицкий. – Ситуация складывается так, что нам нужно попасть на Уйгур.

– Ну так в чём проблема? Я же вам говорил...

– Подожди, не перебивай. Нам нужно попасть туда прямо сейчас. Для того чтобы убедиться, что Уйгур – стоящий объект, должны быть соответствующие результаты.

Не желавший опускаться до споров Белов добавил:

– А для этого надо провести нормальное опробование. Потом по полученным результатам можно будет отбить контур месторождения и выделить рудные зоны. То есть вначале нужно выяснить, с чем связано золото, а потом определяться, как его взять.

– Подожди ты, дай договорить, – остановил его Вербицкий. – У нас очень мало времени: остаётся немногим больше месяца до конца срока подачи заявок на оформление лицензий. Понимаешь, если мы сейчас не успеем, то придётся отложить до осени. Пропадёт целый сезон.

Коротков буквально подскочил. Диван под ним закрипел.

– Да ты что, Арнольд! На улице зима, мороз за полста градусов, а вы собрались в горы. Это просто нереально. Мне даже смешно. Ну, ранней весной ещё куда бы ни шло...

Вербицкий нервно ходил возле стола, почёсывая бороду. Вид у него сейчас был явно непрезентабельный: взъерошенные волосы, расстегнутая почти до пояса и выбившаяся из-под брюк рубашка. Встав возле Короткова, он сказал:

– У нас нет другого выхода. Ты же сам сказал, что на этот объект уже есть серьёзные претенденты. Значит если мы хотим его застолбить, то нужно их опередить. А как это сделать? Летом наши конкуренты проведут там опробование, получают приличные результаты, и считай – всё пропало: они сразу подадут заявку на конкурс. Вот тогда выиграть у них будет непросто: ради такого объекта они лягут костями.

Коротков хорошо знал, какие силы могут включиться в борьбу за обладание Уйгуром.

– Я не буду останавливаться на подводных камнях, которые могут встретиться на вашем пути, но, поверьте, они реально существуют.

– Я догадываюсь. Причины действительно очень серьёзные, – отойдя от стола, сказал Вербицкий.

– Ну тогда вам и правда нужно туда лететь, – неожиданно согласился Коротков. – Наших материалов для вас явно недостаточно. Это капля в море по сравнению с тем, что вам потребуется.

– Виктор, мы на тебя рассчитываем.

– Когда вы собираетесь?

– Прямо завтра.

– Да вы что, смеётесь?! – удивился Коротков. На его лице можно было прочесть все вспыхнувшие враз чувства: и изумление, и испуг, и растерянность. – У вас же ничего ещё нет, а уже собрались в горы. Да без техники и людей там делать нечего. Вы же сами знаете, там

сейчас всё намертво проморожено, ни одной пробы не отберешь. По-хорошему, туда нужно завозить бригаду горняков – вот тогда можно будет нормально работать.

– Что за проблема, завезём, если надо. Всё в наших руках.

Немного успокоившись, Коротков заговорил о деле. Вначале он сказал о снаряжении, а потом перешёл к предстоящим работам.

– На Уйгуре не помешало бы пробить пару линий шурфов или канав. Склон там довольно пологий. Ну, на худой конец можно расчистить старые канавы и по ним опробовать коренные породы. По тому, что я там видел, представляю себе такую картину: по золоторудным телам развита довольно мощная кора выветривания. С ней как раз и связана россыпь золота. Это элювиальный или делювиально-элювиальный тип россыпей. По-моему мнению, несколько шурфов там нужно всё равно пройти, иначе разрез рыхлых отложений не опробуешь.

– Какая там мощность коры выветривания? – спросил Белов.

– По моим прикидкам, она везде разная. До коренных зэки добились только одну канаву в верхней части склона. По глубине она получилась как приличный шурф. Метров пять там, не меньше.

Вербицкий что-то замурлыкал себе под нос, на лице появилась самодовольная ухмылка. Было видно, что он доволен услышанным.

– Виктор, я повторяю, мы на тебя очень рассчитываем, – сказал он, явно заискивая перед другом Белова. – Без тебя там делать нечего. А насчёт полевых работ ты голову себе не ломай. Мы определимся на месте. Это вотчина Владислава, за это ему деньги платят. В первую очередь меня интересуют технические вопросы. Во-первых, как сильно оплыли старые канавы. Во-вторых, есть ли там лес, а ещё лучше, найдём ли мы там сухостой. Вообще, какова там толщина снежного покрова? Надеюсь, меньше, чем в Алдане?

Коротков его успокоил. Вербицкий и Белов быстро набросали список необходимого снаряжения и передали Короткову. Просмотрев, тот пообещал найти валенки, робы и спальные мешки в посёлке.

– А за пробными мешками и горным инструментом придётся ехать в кернохранилище, – отложив список, сказал он Вербицкому. – Там же мы возьмём и печку.

– Теперь последнее, – что-то записав в свой красный ежедневник, на котором золотом было вытиснено «Главный инженер А. М. Вербицкий», он сказал: – Где нам найти пять-шесть рабочих?

И тут Коротков оказался на высоте:

– Если нормально заплатите, проблем никаких; безработных пол-экспедиции. Я вам уже говорил, народ оказался на улице без средств к существованию. Многие согласны на любую работу.

Сам Коротков ехать наотрез отказался, мотивируя срочным отчётом, который он составлял по заданию начальника экспедиции. Расстроившись, Вербицкий даже закурил, глаза его сразу потухли. Такого оборота дела он не ожидал. Правда, и поездка на Уйгур ещё совсем недавно не входила в его планы.

– Ну, тогда, может, Сеницын уговоришь? – пытаюсь спасти неожиданно вышедшую из-под контроля ситуацию, подключился Белов. – Раз это его детище, ему должно быть интересно. Сам же говорил, что он туда пытался попасть, а теперь вот...

– Сеницын тоже не сможет, – как отрезал Виктор. – Дед пишет отчёт и, так же как я, вкалывает с раннего утра до позднего вечера. Да он вам сейчас и не нужен: если поедет Сеницын, все будут знать, что вы там делали. Тут уж шила в мешке не утаишь – он заинтересован в том, чтобы там работали свои. От чужаков обычно пользы мало.

Коротков неожиданно замолчал, подперев голову руками, он задумчиво смотрел куда-то мимо Вербицкого, как будто там искал ответ на волнующий вопрос. И, видно, нашёл. На лице появилась улыбка, в глазах мелькнул живой огонёк.

– Кроме нас, пилотов и ментов, на Уйгуре был ещё тот молодой человек, о котором я вам рассказывал, – снова с радостью в голосе заговорил Коротков. – Он видел там побольше меня и мог бы вам пригодиться. Правда, он не геолог, но сейчас это не главное. Этого молодого человека я недавно видел в магазине с мужиками. Наверное, где-то он тут промышленяет. Одного из той компании я знаю – это Николай, прораб. Короче, поиски молодого человека я беру на себя.

Глава 6. Иван Дернов

После летнего экстрима, проведённого в тайге, Иван не мыслил своей жизни без Севера. В тайге ему понравилось, хотя оказалось намного трудней, чем он думал. Чего только стоили многокилометровые переходы, ночёвки у костра или непредвиденная встреча с медведем. Хотелось ещё раз побывать в тех местах, где остался сталинский лагерь его дедушки. Эта идея постепенно в нём укреплялась и вскоре породила непреодолимое желание. Он мечтал снова увидеть Уйгур, почувствовать дух того времени и, возможно, встретиться с дедушкой. Пусть это будет не наяву, а только в мыслях, но эта встреча возможна именно там, где витал его дух.

Вернувшись в Хандыгу, Иван первым делом разобрался с делами фирмы, командировавшей его на Север. Начальник долго «поливал» его по телефону, грозился испортить не только репутацию, но кое-что ещё. Однако, узнав, что с его контейнером всё в порядке, отпустил с Богом. Теперь Борис был вправе выбирать свой путь. Ключков предложил поработать на стройке.

– Работа тяжёлая, зато хорошо оплачиваемая, если не понравится, уйдёшь, – убеждал он Ивана, мечтавшего о другом.

Иван согласился. С этого времени у него начался очередной жизненный виток. Бригада, в которую его определил Ключков, строила деревянный жилой дом, из каких состоял почти весь посёлок. Первую неделю Иван проработал как во сне: в конце рабочего дня топор выпадал из рук, от усталости ломило всё тело. Но постепенно он втянулся, и всё стало налаживаться.

Народ в бригаде подобрался самый разный. Больше всего было выходцев с самостийной Украины. Вероятно, в силу своего менталитета они пытались верховодить, занимая даже самые низкие командные посты. Несколько земляков в одной бригаде делали жизнь остальных мало приятной. Только покровительство прораба Ключкова спасало Ивана от мелких проблем, создаваемых бригадиром и его подручными.

На удивление Петра Степановича Железняка – «зализного бригадира», как звали его на стройке, Иван быстро разобрался в премудростях плотницкого ремесла. А вскоре резко пошёл вверх: его поставили плотником и дали подручного, а потом он стал помощником бригадира. Возможно, тут проявилась наследственность, а может, помогло хорошее инженерное образование, полученное в престижном вузе. Многим в бригаде казалось, что он достиг такой вершины только благодаря прорабу, покровительствовавшему парню. Борис не отрицал, но в дискуссии не вдавался, считая эту тему закрытой.

Железняк долго не мог смириться с таким положением дел в своей бригаде: ведь с приходом Ивана он перестал быть непререкаемым авторитетом. Его самолюбию как бригадира был нанесён удар. Поэтому он откровенно недолюбливал Ивана, как и всех «москалей», окружавших его с детства. При каждом удобном случае бригадир пытался показать, «кто здесь хозяин». Он даже обвинил его в воровстве инструмента, украденного из рабочего балка. Только заступничество прораба спасло его от больших неприятностей. Бригадир притих, но затаил обиду.

Ирине, с которой ещё недавно были близкие отношения, Иван долго не звонил, всё время откладывая на потом. Почему тянул, объяснить он этого не мог даже себе. Может быть, хотел большей определённости в своей жизни, а может, ждал первого шага со стороны девушки. И однажды, не выдержав, набрал её телефон. Ирина вначале обрадовалась, сказала, что уже хотела его искать, а потом как будто кто-то её подменил. Разговор перешёл в вяло текущее русло. Иван узнал, что она успешно окончила институт и теперь работает врачом в больнице.

– Коллектив прекрасный, дома всё нормально, – как по писаному говорила она парню.

Ничего особенного вроде бы она не сказала, тем не менее Иван почувствовал в её разговоре недосказанное. Ему показалось, что девушка к нему безразлична.

«Вероятно, у неё есть кто-то другой, – подумал он. – Ведь она даже не спросила, где я был всё это время и когда приеду. Когда человек ждёт, он так не разговаривает».

Несколько раз он порывался снова пойти на переговоры, но каждый раз себя пересиливал. Зато постоянно вёл с ней бесконечные заочные диалоги.

«– Зачем тебе этот Север? Возвращайся домой, – слышал он голос девушки.

– Мне здесь нравится, – говорил он ей в ответ. – Это моё. Я теперь не мыслю своей жизни без этих мест.

– Ну ты же инженер, а работаешь простым плотником. Поменял Москву на какую-то дыру. Это же несерьёзно!»

Ирина сотни раз представляла себе их встречу, но она так и не состоялась. А телефонный разговор вышел совсем не таким, каким бы ей хотелось. Она просто растерялась, всё, что хотела сказать, вылетело из головы.

«Надо было сказать, что я его жду, – корила себя девушка. – Зачем же он там остался? Ведь у него была такая прекрасная работа! А может, он нашёл кого-то и я ему теперь безразлична...»

Девушка расплакалась, ругая себя за излишнюю скромность и сдержанность.

Известие о том, что на Уйгуре нашли золото, быстро разнеслось по всей округе. Правда, не каждый знал, где тот загадочный Уйгур, о котором не говорил теперь только ленивый. Однако интерес к нему был у многих. Ходили слухи, будто бы там «накрыли» чёрных старателей. То золото когда-то пропустили геологи из их экспедиции, а старатели его нашли. Правда, помогли им какие-то никому неизвестные потусторонние силы. Что это за силы, никто толком не знал, но по тому, как они разделились с местным ОМОНОм, многие сделали заключение, что они совсем «не хилые». По слухам, золота на том Уйгуре было столько, что за неделю старатели добыли почти сто килограммов.

– Когда их стали задерживать, те оказали ожесточённое сопротивление, и омонцам пришлось применить оружие, – рассказывал бригадир очередную сплетню, услышанную в бане. – Представляете, при перестрелке троих застрелили, а один сам сдался. Но, самое интересное, золота при них не оказалось. Оно как будто бы сквозь землю провалилось. Куда оно подевалось, до сих пор никто не знает. Его поисками сейчас занят московский ОМОН, который специально для этого прислали.

Вину за исчезновение золота стали приписывать тем же неизвестным потусторонним силам. Поговаривали также, что один оставшийся в живых старатель сидит сейчас в СИЗО. Кто он и откуда сюда попал, никто также не знал.

Когда Иван услышал про золото Уйгура, тревожно стало на его душе, защемило сердце. Он сразу вспомнил о Борисе и Нине, которых встретил с Клочковым на Маймакане.

– Зачем-то же они понадобились тогда ментам, – не раз думал он с тревогой. – Те даже полетели за ними на вертолёте. Ну не золото же они там мыли. Конечно нет, – успокаивал себя парень. – Да какой из Бориса старатель! По-моему, он даже не представляет, как золото добывают. А Нина, так та, наверное, тяжелее сачков для бабочек в руках ничего не держала. Правда, непонятно, чем они занимались на Маймакане, но это, в конце концов, не главное. Интересно, как же они тогда спланились?

Вскоре через знакомого Клочков узнал, что теми старателями, о которых сплетничали на каждом углу, действительно были Борис и Нина. Было больно сознавать, что больше нет той жизнерадостной девушки, которую он видел летом на базе гидрологов. Они её помянули и решили найти Бориса. Но он как в воду канул: телефон в его городской квартире молчал, не отвечал он и на следующий день и неделю спустя.

– Странно, из СИЗО его отпустили, а дома он не появился. Куда же он делся? – говорил Клочкову озадаченный Иван. – Может, нам обратиться в милицию с официальным запросом?

– Официально никто не будет с нами разговаривать, а по неофициальным сведениям, он уехал. А вот куда – это большой вопрос. Вообще о Борисе можно бы узнать у того капитана, который вёл его дело. Только капитан, оказывается, был командированным. Откуда он приезжал, теперь никто не помнит. Так что получается замкнутый круг.

Клочков посмотрел на него с сочувствием и, загадочно улыбаясь, сказал:

– Унесли его привидения, сторожившие своё золото. Он, наверное, ближе всех к нему подобрался, а этого они никому не прощают.

– Ну ты скажешь. Я же тебя серьёзно спрашиваю. – В голосе Ивана была обида.

– А я не шучу. Тебе ничего не говорил твой дедушка? Ты его спроси при случае про Бориса.

На лице Ивана Клочков увидел какое-то загадочное выражение, как будто он собирался сказать что-то необычное. И он не ошибся.

– Кстати, я проанализировал своё состояние при встрече с дедушкой и могу сказать, он обладает сильным энергетическим полем. Когда дедушка оказывается рядом, его энергетика мгновенно воздействует на меня, подавляя волю. Такое же влияние, я думаю, он оказывает и на окружающих. Он просто зомбирует всех.

Клочков отшутился, хотя до сих пор не мог забыть о встрече с привидениями, которая произошла прошлым летом на Уйгуре.

– Ты знаешь, я сейчас нахожусь в состоянии ожидания, – продолжал Иван. – Я будто настраиваюсь на встречу с дедушкой и подсознательно готовлюсь к ней. Это чувство возникло у меня совсем недавно. Я верю, что эта встреча состоится в самое ближайшее время. В глубине души я просто убеждён в этом, и никто не сможет меня переубедить.

Такого Клочков не ожидал. По его мнению, у Ивана были явные признаки шизофрении. Он посоветовал ему показаться психиатру. Но тот упорно гнул своё. Неожиданно Иван замолчал и опустил на стул.

– Представляешь, сейчас в моём сознании возник и принял ясные очертания образ дедушки, – произнёс он тихо. – Я представил, что разговариваю с ним, и он действительно появился здесь. Он сказал: «Мы встретимся в бараке на Уйгуре. Ты будешь там не один, но я тебя найду. Скоро ты всё узнаешь».

Иван сидел отрешённый от всего, и Клочкову даже показалось, что в эту минуту он с кем-то разговаривает.

«Неужели, и правда, здесь его дедушка, – подумал Клочков. – Ну ладно, на Уйгуре, возможно, что-то и было: там его дедушка жил, и, возможно, сохранился его дух. Ну а тут откуда ему взяться?»

«Мне нужно было повидать тебя, – снова услышал Иван голос своего дедушки. – Всё изменилось, а я остался там же, где был».

Его губы разошлись, изобразив что-то вроде улыбки.

«Теперь я не могу перемещаться в пространстве и попадать в другие измерения. Меня можно будет найти только там».

Иван перевёл взгляд на растерянного Клочкова, но увидел глаза совсем молодого человека. В них была глубина умудрённого жизненным опытом человека. Такие глаза он видел однажды. Это были глаза его дедушки.

– Всё, что суждено мне совершить, я могу совершить только на Уйгуре. Я теперь буду его сторожить, как цепной пёс.

Утром на стройку прибежал Клочков. От него валил пар, как из парилки. Борода заиндевела и стала белой как снег. Инеем покрылись ресницы и брови. Капюшон на чёрной кирзовой куртке был расстегнут и откинут назад. Клочков был чем-то необычно взволнован.

– Давай переодевайся и дуй быстрее в клуб, – поправляя шапку, сказал он Ивану. – Там тебя ждёт Коротков с геологами. Они собираются на Уйгур. Просят, чтобы ты помог найти лагерь.

Иван попытался выяснить, что это за геологи, но тот его перебил:

– Там тебе всё расскажут. Только, ради Бога, не отказывайся от их предложения и много не выступай. Тебе надо проветрить свои мозги. Может, там ты наконец-то выяснишь отношения со своим дедушкой и навсегда его забудешь. Это же кошмар какой-то! Петру Степановичу я сейчас скажу, а приедешь, задним числом напишешь заявление об отпуске. Всё, ты свободен.

Услышав, что Иван прямо со стройки, Вербицкий был несказанно удивлён.

– Так сегодня же минус полста пять градусов на градуснике. У вас должен быть активированный день. По всем нормам при температуре ниже пятьдесят градусов на улице не работают.

Иван только рассмеялся. Никаких активированных дней у них никогда не было.

– По местному радио передали сорок девять, а это значит – на открытом воздухе можно пахать.

Вербовский предложил ему поехать поработать на Уйгур, и Иван не торгуясь согласился.

Глава 7. На Уйгуре

Вопрос с вертолётom Вербицкий решил без лишних усилий. Годами наработанные связи сработали безотказно. Начальник алданского аэропорта Подвысоцкий позвонил здешнему руководству, и этого оказалось достаточно, чтобы их приняли как своих. Когда они подъехали к воротам аэропорта, их уже ждали.

– Ерёма Валерий Иванович, – представился командир. – А это мой экипаж. – Он назвал каждого члена своей команды. – Куда летим? – спросил он Вербицкого, безошибочно определив, что он старший.

Вербицкий показал карту, на которой точкой было вынесено место посадки.

– Знакомые места, – отдавая ему карту, внимательно посмотрел на него командир. Неожиданно кровь прилила к его лицу – он стал красным. Командир расстегнул куртку. – Какие у вас там дела? – спросил он строго. – Зима на дворе, хороший хозяин сейчас собаку из дома на улицу не выгонит, а вы собрались в поле. Что, так горит?

Вербицкий пожал плечами.

– Горит не горит, а лететь надо. До начала основных работ нам нужно провести рекогносцировку на предмет изучения одного объекта.

О том, почему они проводят рекогносцировку именно сейчас, он ничего не сказал, посчитав, что командиру вертолётa много знать не надо.

– Ну что поделаешь, надо так надо. Летите.

– А почему такой интерес?

– Я там был. Летом туда трижды летал, – ответил Ерёма. – Вот мои орлы не дадут соврать. – Он показал на двух молодых пилотов, стоявших рядом. – Воспоминания об этом участке не самые приятные. Вернее сказать, самые неприятные. Последний раз мы оттуда привезли труп девушки-красавицы. Омоновцы убили. Ни за что погибла девчонка.

Вербицкий уже слышал об этой трагедии, поэтому не стал расспрашивать. Однако Ерёма уже завёлся.

– Знал бы раньше, что вам на Уйгур, ни за что бы туда не полетел, – вгорячах выпалил он главному инженеру. – Пока он приносит только несчастье. Поганое место!

И, махнув рукой, командир полез в вертолёт.

Внизу проплывали заснеженные горы. В долинах замёрзших рек чернел лес, заходивший в узкие распадки. Вверх по склонам он заметно редел и переходил в кедровый стланик, который местами выступал из-под снега. На крутых продуваемых склонах и водоразделах снег едва прикрывал крупные камни, отчего сверху он казался серым, а его поверхность – бугристой. Зато в ложбинах, под отвесными стенками обрывов и в непродуваемых низинах снег образовал чистые белые пятна, хорошо выделявшиеся на местности. Из иллюминатора Вербицкий увидел, как по глубокому снегу брела пара лосей. Заметив над собой вертолёт, они шарахнулись в разные стороны.

Кое-где реку окутывал плотный туман, поднимавшийся от незамёрзшей воды, бежавшей по наледи. Уйгур показался совсем неожиданно. Вначале они увидели узкую долину реки с крутыми врезанными бортами, которая резко расширилась, а потом внизу появился заснеженный склон с тремя белыми швами, протянувшимися параллельно руслу. Они, как шрамы на здоровом теле, рассекали гору.

– Всё, прилетели, – крикнул Ерёма. – Выбирайте место для посадки. В лагере эзков сесть не сможем, там высокие деревья и бараки. Вот он. – Ерёма показал вниз. Там угадывались крыши утонувших в снегу барачков.

– Ничего себе снега навалило, – ахнул Вербицкий, не ожидавший увидеть такое. – Не меньше, чем у нас в Алдане.

Вертолёт на большой скорости пронёсся над деревьями и перед самым склоном соседней горы резко повернул в сторону. Они полетели вниз по течению Уйгура.

– Сейчас будет баня. Смотрите.

Внизу чернел сруб с провалившейся крышей, заваленной снегом. Над ней вертолёт повернул назад.

– Я сажусь в долине реки, могу на водоразделе, – крикнул Ерёма.

– Нам лучше у этого вала. Только вначале нужно сбросить печку и тяжёлый бутар. Давай поближе к баракам.

Снежная метель поглотила приземляющийся вертолёт. Когда снег осел, Ерёма посадил винтокрылую машину на чистую площадку. Вербицкий сразу сообразил, что вертолёт можно использовать для уборки снега.

Морозный воздух бодрил, проникал под куртку, обжигал лицо.

Разгрузив вертолёт, двое рабочих полетели заготовливать дрова, а Иван, подхватив свой спальник и лопату, повёл старателей к баракам.

– Тропа идёт между двумя верхними канавами с верховьев Уйгура. – Он показал на бочку с соляжкой, темневшую на снегу. Там же валялась полубочка и горный инструмент, который сбросили с вертолёта. – С реки к баракам не подняться – там обрывистый берег. Скоро вы сами увидите. Летом тропу практически не видать. Местами она угадывается, но её можно принять за баранью.

Иван направился к длинному барaku, стоявшему посередине площадки. Не доходя до него, он провалился по пояс. Дальше снега стало ещё больше. Пришлось пробивать тропу и раскапывать дверь.

В бараке зажгли свечку, Белов с Вербицким затащили туда печку и толстую трубу с двумя коленами. Такая труба была предназначена для того, чтобы её можно было вывести в окно или в боковую стену. Печка была сварена из толстой двухсотлитровой бочки, какие ещё с дальстроевских времён были разбросаны по всему Северу. Вскоре печка запылала, отдавая тепло насквозь промёрзшему барaku.

До темноты Вербицкий и Белов елозили по склону горы, лазили по канавам. Иван помогал расчищать снег, долбил оплывший на дно грунт. В валенках и ватном костюме он был похож на колобка, катавшегося сверху вниз. Так же выглядели старатели. По их хмурым лицам Иван понял, что осмотром они остались недовольны. В подтверждение его догадки Вербицкий сказал:

– Канавы не разведочные, их зэки проходили для промывки породы. Верхний слой породы возле канав выбран примерно на метр. В общем, эти канавы нам не очень помогут.

Поёживаясь от пронизывающего мороза, Белов показал на оплывший откос канавы:

– Чтобы добраться до коренных пород, нам надо расчищать полотно канав. А для опробования рыхлых отложений придётся бить шурф. Будем проходить на пожар. Конечно, желательно пройти пару шурфов, только за двое суток мы их не одолеем. Дай Бог, хотя бы один шурф пройти.

– Знал бы, что сюда полетим, привез бы пару ящиков аммонита. Рванули бы – и делу конец, – сказал Вербицкий.

Место для закладки шурфа выбрали между двумя канавами. Сюда принесли дрова и, облив их соляжкой, подожгли. Чёрный дым поднялся вверх, языки пламени лизнули белый снег, оставив на нём отметины. Костры разожгли также во всех канавах.

При таком способе проходки горных выработок оттаявший слой грунта снимали, а потом снова отогревали мёрзлую землю – и так до тех пор, пока не доходили до коренных пород. С помощью этого шурфа старатели собирались отобрать пробы по всему разрезу рыхлых отложений, чтобы определить содержание золота и, возможно, выделить золотоносный пласт.

Топить костры и «зарезать» шурф Вербицкий оставил Саню Дроздова и Иван Ивановича Мельника. Утром их должны были сменить Пашка Соломин и Тарас Сорока. В отличие от Ивана все они были опытными проходчиками, и за этот шурф рассчитывали хорошо заработать.

К полуночи печка в бараке раскалилась. Но в двух шагах от неё по-прежнему было холодно, приходилось всё время топить. Тарас ломал носилки, сложенные штабелями, и причитал:

– Надо же, их тут целая гора, и все до сих пор сохранилась. А кайла, так те вообще как новые. Я такого ещё не видел! Они же полста лет тут пролежали. Вот дела!

Из двух носилок Белов собрал себе стол и, как в рабочем кабинете, теперь сидел, обложившись разными бумагами. На плане участка он провёл параллельные линии профилей, наметил точки отбора проб. В полевой дневник Белов занёс количество различных проб, которые им предстояло отобрать на этом участке.

Иван подкладывал в печку дрова, а Вербицкий задумчиво смотрел на огонь и время от времени давал Ивану и Тарасу цеу. Возле них пристроился Пашка Соломин. Раньше он работал в экспедиции, а последний полевой сезон старался, как он говорил, в артели у Богатырёва. Проработал Пашка почти полгода, но, кроме копеечного аванса, пока ничего не получил. Председатель артели рассчитался только со своими приближёнными, а остальных – таких же работяг, как Пашка, кормил завтраками: то за сданный металл с ним не рассчитались, то нужно погасить аванс за запчасти и ГСМ. Такая катавасия тянулась несколько месяцев. Домой – в свой Ярославль – Пашка не поехал и теперь, как говорится, без копейки в кармане бичевал в посёлке, перебиваясь случайными заработками. Поэтому эта поездка на Уйгур для Пашки – миллионера только на бумаге оказалась как нельзя кстати.

Спать не хотелось. Сидя у раскалённой, красной, как солнце на закате, печки, каждый думал о своём. Молчание нарушил Вербицкий.

– Коротков нам говорил, будто бы здесь какие-то призраки ходят по ночам, – обратился он к Ивану. – И среди них твой дед.

Иван промолчал.

– Скажи, они нам ничего не сделают? – продолжал главный инженер. – А то мы спать ляжем, а они придут и нападут на нас. Может, нужно установить дежурство? Будем караулить по очереди.

На лице Вербицкого можно было прочесть озабоченность, и было непонятно, всерьёз говорит он или подшучивает над парнем.

– Да, тут обитали души невинно убиенных заключённых. Это факт. Мы с Клочковым их видели, когда тут были. Только сейчас они отсюда ушли насовсем. Мы поставили им крест на могиле, после этого они покинули эту грешную землю. Хотя...

В бараке наступила тишина. Стало слышно, как трещат дрова в печи.

– Кстати, под стеной этого барака я нашёл самородок, спрятанный моим дедушкой. Вот там, – показал он на противоположную стену. – Дедушка мне сам сказал при встрече, где его найти. Вначале я засомневался, а потом вот...

– Мужики, ну это же вздор, – засмеялся Пашка. – Чистейшей воды ахинея, какая даже во сне не приснится. Что вы его слушаете!

Он даже схватился за живот, показывая, как ему смешно оттого, что здесь могут быть какие-то привидения. Его громогласный голос вырвался наружу.

– Да видел я этих привидений в гробу в белых тапочках. Придумал тоже мне какую-то ересь. Да что вы его слушаете, нет тут никаких...

Неожиданно Пашка поперхнулся. Как будто комок застрял в его горле. На глазах выступили слёзы. Потом глаза округлились, и всем показалось, что они вот-вот вылезут из орбит. Живот под обтянутым грязно-салатным свитером напрягся.

– Ой-ой, что это? – прохрипел Пашка, хватаясь за горло. – Меня кто-то душит.

Он закашлялся, лицо от напряжения покраснело и стало похоже на варёную свёклу. Было видно, что Пашка не шутит.

– Воздуха, воздуха! Мне не хватает воздуха, – хрипел Пашка, – помогите...

К нему бросился Вербицкий. Быстро оттянув горловину свитера, разжал его рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.